

Галина Владимировна Макович

Уральский юридический институт МВД России, доктор филологических наук, профессор, Екатеринбург, Россия
e-mail: galinavlad@yandex.ru

Коммуникативные стратегии сторон в судебном процессе и их отражение в судебном переводе

Аннотация. В статье рассматриваются типы коммуникативных стратегий в судебном процессе и маркеры — тактические приемы, их реализующие. Выявляется степень отражения переводчиком коммуникативных стратегий участников судебного процесса и правомерность использования им модели модерирования судебной коммуникации. Показано, что переводчик в судебном процессе выступает не как ретранслятор текста, а как его интерпретатор. В силу сложности судебного перевода говорить об единственной модели коммуникативного поведения переводчика невозможно, однако в целом модель переводчика-модератора связана с существенными рисками для судопроизводства и для участников судебного процесса.

Ключевые слова: судебный перевод, коммуникативные стратегии и тактики, оптимизирующие коммуникативные стратегии, юридическая эквивалентность перевода, интерпретация в переводе.

Galina V. Makovich

Ural Law Institute of the Interior Ministry of the Russian Federation,
Doctor of Philological Sciences, Professor, Ekaterinburg, Russia
e-mail: galinavlad@yandex.ru

Communication Strategies of the Parties in Court Proceedings and Their Reflection in Court Translation

Abstract. The paper considers the types of communication strategies in the judicial process, markers-tactical techniques that implement them. The degree to which the translator reflects the communication strategies of the participants in the trial and the validity of the translator's use of the moderation model of judicial communication is revealed. It is shown that the translator in the trial does not act as a repeater of the text, but as its interpreter. Because of the complexity of the trial to talk about a single model of communicative behavior of the translator is not, however, overall, the model interpreter-moderator involves substantial risk for proceedings as a whole and for trial participants.

Keywords: judicial translation, communication strategies and tactics, optimizing communication strategies, legal equivalence of translation, interpretation in translation.

Неотъемлемой частью активных миграционных процессов в Российской Федерации становится рост правонарушений, совершаемых лицами, которые владеют русским языком в недостаточной степени или не владеют вообще. Возникает необходимость привлечения переводчиков как для проведения досудебных следственных действий, так и для судопроизводства. Посредством письменного и устного перевода переводчики решают две основные задачи — позволяют гражданину (или лицу без гражданства) предъявить документальные доказательства по делу и обеспечивают право гражданина (лица без гражданства) знать, в чем его обвиняют [1, с. 31].

Роль переводчика в судебном процессе значительна, и его ведущая компетенция — объективный точный перевод. Названная компетенция определяется целым рядом атрибутивных свойств. Поскольку и каждый процессуально значимый судебный текст, и совокупность текстов судебного дела обладают коммуникативным потенциалом гораздо большим, чем совокупное содержание составляющих их

высказываний, то переводчик должен воспринимать и передавать текст целостно. Фактором, влияющим на смысл текста, становится коммуникативная стратегия, которую говорящий реализует.

Цель статьи — выявить степень отражения переводчиком коммуникативных стратегий участников судебного процесса и правомерность использования переводчиком модели модерирования судебной коммуникации.

Под коммуникативной стратегией в работе будет пониматься общая линия поведения говорящего/пишущего, избранная им для реализации коммуникативной и практической цели с учетом восприятия субъектом речи личности коммуникантов, условий общения [2, с. 10]. Практические цели истца и ответчика или потерпевшего и обвиняемого и их сторон в судебном процессе — защита своих прав и законных интересов, которым преступные действия нанесли ущерб, а также защита от незаконного и необоснованного обвинения. Коммуникативные и процессуальные действия сторон истца — ответчика, потерпевшего — обвиняемого

всегда ограничены их нахождением в статусно-ролевой иерархии на зависимых позициях. Главный субъект коммуникативной стратегии судебного процесса — судья, который выступает носителем и транслятором судебных традиций, правил, предписаний, и он может спровоцировать стороны отступить от запланированной коммуникативной стратегии и варьировать коммуникативное поведение. Это позволяет судье противостоять влиянию сторон и иметь возможность с большей степенью свободы изучать обстоятельства дела и выносить решение.

В базовой литературе по методике проведения судебного заседания традиционно выделяют аналитическую стратегию, атакующую (наступательную) стратегию, стратегию, построенную на системе психологических ловушек, стратегию, основанную на сотрудничестве [3, с. 740]. В лингвистической литературе говорят о семантической (когнитивной) стратегии, основной в судебном заседании, цель которой — построить доказательную и убедительную картину происшедшего, и о вспомогательных коммуникативно-ситуационных, риторических, диалоговых стратегиях [4, с. 153]. Эти стратегии можно развести по признаку ориентированности на логическую интерпретацию события (семантическая стратегия) или на эмоциональную сторону восприятия (вспомогательные стратегии).

Стратегия реализуется в конкретных тактических приемах, и вопрос о квалификации приема как репрезентативного признака той или другой конкретной стратегии может быть решен только с учетом широкого отрезка коммуникативной ситуации. Так, лексические маркеры аналитического текста, устанавливающие между высказываниями или его частями причинно-следственные отношения (*потому что, так как, поэтому, в результате, в итоге, как следствие, по этой же причине*), временные отношения (*когда, пока, в то же время*), вводящие основание для обоснования (*по экспертным оценкам, в соответствии со ст. 164 Федерального закона*), возражения (*в нарушение ст. 164 Федерального закона, вопреки заявленному экспертизам*) и др., могут присутствовать во фрагментах текста, задача которых — преувеличить или приуменьшить значение каких-либо параметров ситуации, т. е. при реализации стратегии интерпретации, когда требуется ее логическое обоснование. Эти маркеры могут употребляться в атакующей стратегии при их частотности в тексте и в стратегии, ориентирующейся на сотрудничество, если аргументирующая стратегия оказывается доминирующей и в текстах других участников судебного процесса.

Тактические приемы риторических стратегий, например создание эмоционального фона высказывания за счет введения мотивов отторжения от субъектов-участников происшествия, сопереживания им или создание образной драматизации события, могут использоваться манипулятивно, реализуя стратегию психологических ловушек, но могут быть инструментом формирования сотрудничества при совпадении ценностных ориентиров сторон судебного процесса.

Достижение адекватности понимания, интерпретации текстовых сообщений в судебном процессе — сложный вид деятельности, требующий коммуникативной компетенции. Интерпретация сообщений позволяет своевременно выявить наступление неблагоприятных условий коммуникации для того или другого участника судебного процесса

и включиться в преодоление этих неблагоприятных условий, запустить оптимизирующие коммуникативные стратегии.

Если участник судебного процесса не владеет русским языком или владеет им в недостаточной степени, то для него единственный источник информации о складывающихся неблагоприятных условиях коммуникации — переводчик.

Степень понимания сообщений и коммуникативных рисков может быть не одинакова у разных коммуникантов, поскольку значительная их часть, при этом не только лиц, недостаточно владеющих языком, но и носителей языка, часто оперирует лишь обобщенным языковым содержанием высказывания. В некотором роде ситуацию спасает то, что судьи в ходе судебного заседания в основном взаимодействуют с профессиональными юристами, являющимися, как и судьи, профессиональными коммуникаторами. И всё же такие составляющие речевой компетенции, как умение выстраивать коммуникативно целесообразный текст, ориентированный на адресата, с использованием лексических единиц, облегчающих адресату понимание текста, зачастую ими не проявляются в должной мере.

Материалом для исследования стали протоколы судебных заседаний районных судов Екатеринбурга, проходивших в 2019 г., в которых принимал участие переводчик. Протоколы избирались методом сплошной выборки, всего изучено 18 протоколов. В 68 % процессов поведение судей было конфронтационным, и в 75 % случаев конфронтационное поведение, связанное с нарушением кооперации, максим качества и количества, демонстрировали как судьи, так и юристы — участники процесса. В рамках исследования вопроса о триггерах, запускающих конфронтационное поведение в судебном заседании, нами было проведено анкетирование 81 респондента — переводчиков и юристов из числа судей, состава суда, адвокатов, прокуроров. Выявлено, что наиболее частотными триггерами конфронтации выступают специальные процессуальные моменты, такие как нарушение процедурных правил, предписаний, столкновение антагонистических тенденций между обвинением и защитой, субъективно воспринимаемое нарушение принципа состязательности сторон, а также проявления коммуникативного поведения, а именно: тактика наделения оценочными значениями, тактика дискредитации, тактика интерпретации слов говорящего и происшедшего, тактика самопрезентации, тактика доминирования, тактика драматизации, тактика создания эмоционального тона. Анализ данных анкетирования показал, что коммуникативное поведение в 39 % случаев могло быть определено как конфликтное.

Основную роль в выборе оптимизирующих стратегий поведения призваны сыграть юристы — участники судебного процесса. Возможность участия переводчика в оптимизации процесса судебной коммуникации весьма спорна, но должна обсуждаться как в конкретно-практическом плане, так и с точки зрения теоретического переводоведения. Несомненно, что коммуникативная компетентность переводчика предполагает умение диагностировать факт наступления неблагоприятных условий коммуникации, фиксировать речевые знаки, спровоцировавшие деструктивные коммуникации, определять потенциальные модели поведения, оптимизирующие судебную коммуникацию. Требуется обсуждения

вопрос, насколько переводчик, специалист с профессиональными коммуникативными компетенциями, вправе при наступлении неблагоприятных условий коммуникации способствовать организации такого взаимодействия своего клиента с участниками судебного заседания, чтобы возможно было бы реализовать задачу максимизировать положительные и минимизировать отрицательные для клиента результаты, а значит, обеспечить клиенту получение максимальной пользы, уменьшить ущерб.

Проблема «перевод и интерпретация» — широко обсуждаемая в переводоведении, хотя в меньшей степени она изучена применительно к судебному переводу. Вопросы судебного перевода поднимаются в юридической литературе, и в качестве профессионально необходимых качеств переводчика называются такие, как «пассивность», невидимость, нейтральность [5; 6]. Если клиент и участники судебного процесса не ощущают присутствия переводчика, то он рассматривается как фактор успешной переводческой деятельности. Переводчику предписывается верно передавать сказанное в его подлинном значении, воссоздавать интонацию и эмоциональные реакции, которые передаются тоном голоса, жестами, паузами [7, с. 558]. В юридическом переводоведении используется понятие «юридическая эквивалентность», которое подразумевает «...перевод предельной точности с передачей всех элементов оригинала, без изменений, пропусков, сокращений, добавлений. <...> Юридически эквивалентный перевод не всегда отличается эстетичностью или логичностью. Бессвязные, неясные с бесконечными повторами и нелепостями показания допрашиваемого не должны становиться при переводе четкими и логичными... Для достижения юридической эквивалентности переводчик не должен опускать при переводе какие-либо, пусть даже малозначимые или повторяющиеся, фрагменты исходного сообщения...» [8, с. 61].

От переводчика требуется объективность, независимость, в то же время обсуждается вопрос, на чьей стороне переводчик: поскольку в соответствии с законодательством он привлекается следователем, дознавателем или судом, то основное назначение переводчика — оказать содействие суду установить истину. «С другой стороны, юридически оправданной целью его участия является выражение законного интереса лица, не владеющего языком судопроизводства, в первую очередь, обвиняемого, в праве на защиту...» [7, с. 560]

Нейтральность противоречит сложности судопроизводства. В ситуации речевых сбоях, затеняющих смысл, стилистических неточностей в устных текстах, особенно частых у непрофессиональных коммуникантов — потерпевшего и подсудимого, дословный перевод становится нецелесообразным и переводчик прибегает к интерпретации, когда передается основная идея высказывания. Это приводит к появлению слабой цепочки высказываний в ряду «исходный текст — переводной текст». Вполне очевидно, что переводчики по своему усмотрению решают, какие высказывания смыслообразующие, а какие маловажные. Соответственно, уровень нейтральности судебных переводчиков оказывается сниженным. Устный переводной текст — это толкование высказываний, которые были произнесены в ходе судебного разбирательства, часто с расстановкой смысловых акцентов.

Таким образом, идеальным образом судебного переводчика заявлен образ ретранслятора текста с иностранного языка на язык перевода, но фактически он выступает в роли модератора. При этом коммуникативная точность должна оставаться ключевым моментом в деятельности переводчика, он должен обеспечивать адекватное восприятие и понимание смыслового содержания сообщения. «Коммуникативная точность представляет собой категорию, реализующуюся в использовании говорящим варьирующихся в зависимости от стилиевой принадлежности структурных, лексико-грамматических и параграфических средств (шире, лингвистических и нелингвистических)... перевести точно значит выразить средствами языка перевода то, что вложено не только на лексико-грамматическом, но и смысловом, коммуникативном, прагматическом уровнях в сообщение на языке-источнике» [9, с. 5].

Согласно результатам исследования Н. Б. Исолахти, переводчик находит более важным передать суду и всем лицам, говорящим на языке судебного производства, то, что было сказано подсудимым, чем проинформировать подсудимого о сказанном юристами. В таблице сопряженности переводимых реплик с их переводом или пропуском при переводе исследователь фиксирует соотношение переведенных (48 %) и непереведенных (52 %) реплик в конкретных проанализированных делах о незаконном обороте наркотиков. Как показано в исследовании, при переводе опускаются реплики, имеющие определенные функционально-прагматические особенности. Среди многочисленных других опускают при переводе функционально-прагматически «нетипичные» реплики независимо от их длины. При этом к «нетипичным» Н. Б. Исолахти относит в том числе и фразы с грубыми оценочными значениями, фразы с дискредитациями, фразы доминирования [8, с. 25].

Таким образом, статистические исследования показывают, что переводчик в судебном процессе выступает не как ретранслятор текста, а как его интерпретатор. Частотны пропуски отдельных высказываний текста, обобщенная передача смысла высказываний. Существует связь между функционально-прагматической особенностью высказывания и решением переводчика переводить его или опустить. В число высказываний с пропуском их перевода или с пропуском перевода части высказывания попадают такие, которые регулярно дестабилизируют судебную коммуникацию, а именно: фразы с грубыми оценочными значениями, фразы с дискредитациями, фразы доминирования. Данные тактические приемы реализуют определенную коммуникативную стратегию говорящего, часто сознательно конструированную, и выступают фактором, влияющим на смысл текста. Коммуникативные стратегии сторон корректируются в ходе судебного процесса. Поскольку переводчик считает более важным передать сказанное подсудимым участникам судебного процесса, ведущегося на государственном языке, а не проинформировать подсудимого о сказанном юристами, то надежной информации, позволяющей подсудимому корректировать свои коммуникативные стратегии, ему не поступает. Коммуникативная стратегия участников судебного заседания во многих случаях характеризуется переводчиком как информационно незначимая или мало-значимая, поэтому тактические приемы, ее реализующие,

при переводе опускаются. Это лишает лицо, не владеющее языком судопроизводства, языкового равноправия, и не все коммуникативные потоки, которыми обмениваются участники судебного заседания, ему передаются в полном объеме. По этой причине он не может адекватно реагировать на высказывания, касающиеся дела, комментировать или опровергать высказывания. Это может иметь для лица последствия, хотя, впрочем, как негативные, так и положительные.

Пропуски в переводе судебного процесса обусловлены субъективными представлениями о целесообразности

переводчика. В ситуации наличия у переводчика высокого профессионализма в анализе коммуникативной ситуации судебного заседания принятие им на себя ответственности за корректировку коммуникативных стратегий и оптимизацию коммуникации, возможно, обеспечит клиенту получение максимальной пользы и уменьшение ущерба. В силу сложности судебного перевода говорить об единственной модели коммуникативного поведения переводчика невозможно, однако в целом модель переводчика-модератора связана с существенными рисками для судопроизводства и для участников судебного процесса.

Библиографический список

1. Пимонов Б. В. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 31–38.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : моногр. М. : URSS, 2012. 299 с.
3. Штеба А. А. Судебная экспертиза на стыке лингвистики и перевода // Вопросы экспертной практики. 2019. № 1. С. 739–742.
4. Мальцева В. А. Судебные прения: речевые стратегии и тактики // Вопросы психолингвистики. 2011. № 13. С. 152–159.
5. Зеленский В. Д., Швец С. В. Некоторые вопросы судебного перевода // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 166–169.
6. Николаева Т. А. Особенности судебного перевода // Новые информационные технологии в науке нового времени : сб. ст. Уфа : Аэтерна, 2016. С. 185–189.
7. Обидина Л. Б. Культура судебного перевода: проблемы практики // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 557–563.
8. Исолахти Н. Б. Опустить за ненадобностью — точность перевода судебного допроса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2014. № 3. С. 59–79.
9. Антонова Н. Ю. Коммуникативная точность специального текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 26 с.

References

- Antonova N. Yu. (2011) *Kommunikativnaya tochnost' spetsial'nogo teksta*. Cand. philol. sci. diss. Abstr. Volgograd, 26 p. (in Russian)
- Isolahti N. B. (2014) *Opustit' za nenadobnost'yu — tochnost' perevoda sudebnogo doprosa*, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 22. Teoriya perevoda*, no. 3, pp.19–41. (in Russian)
- Issers O. S. (2012) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi*. Moscow, URSS Publ., 299 p. (in Russian)
- Komissarov V. N. (2011) *Sovremennoe perevodovedenie*. Moscow, R. Valent Publ., 2011, 408 p. Available at: <https://www.academia.edu/30228897/> (accessed: 14.02.2021). (in Russian)
- Mal'tseva V. A. (2011) *Sudebnye preniya: rechevye strategii i taktiki*, *Voprosy psiholingvistiki*, no. 13, pp. 152–159. (in Russian)
- Nikolaeva T. A. (2016) *Osobennosti sudebnogo perevoda*, *Novye informatsionnye tekhnologii v nauke novogo vremeni*. Ufa, Aehterna Publ., pp. 185–189. (in Russian)
- Obidina L. B. (2016) *Kul'tura sudebnogo perevoda: problemy praktiki*, *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 10, pp. 557–563. (in Russian)
- Pimonov B. V. (2018) *Obespechenie prava podozrevaemogo (obvinyaemogo) na ispol'zovanie pomoshchi perevodchika*, *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, no. 1 (43), pp. 31–38. (in Russian)
- Shteba A. A. (2019) *Sudebnaya ehkspertiza na styke lingvistiki i perevoda*, *Voprosy ehkspertnoi praktiki*, no. 1, pp. 739–742. (in Russian)
- Zelenskii V. D., Shvets S. V. (2014) *Nekotorye voprosy sudebnogo perevoda*, *Obshchestvo i pravo*, no. 2 (48), pp. 166–169. (in Russian)